

- Processing, Structure, and Interpretation. – New Jersey, London, Erlbaum, 1993. – P. 57-77.
6. Gibbs R. How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing / R. Gibbs, N. P. Nayak y C. Cutting // Journal of Memory and Language. –1989. – N° 28. – P. 576-593.
 7. González Rey M. Estudio de la idiomatidad en las unidades fraseológicas / M. González Rey // Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. – Frankfurt am main: Iberoamericana, 1998. – P. 57-73.
 8. López Roig C. Aspectos de fraseología contrastiva (alemán-español) en el sistema y en el texto / C. López Roig. – Frankfurt: Peter Lang, 2002. – 396 p.
 9. Ruiz Gurillo L. Aspectos de fraseología teórica española (Anejo XXIV de Cuadernos de Filología) / L. Ruiz Gurillo. – Valencia: Universitat, 1997. – 140 p.
 10. Wotjak G. Las lenguas, ventanas que dan al mundo / G. Wotjak. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 2006. – 374 p.
 11. Zuluaga A. Introducción al estudio de las expresiones fijas / A. Zuluaga. – Frankfurt/ Berna: Peter D. Lang Verlag, 1980. – 278 p.

УДК 811.134.2

СЛОВОТЕРМИН «ВРЕМЯ» КАК ТРАНСЛЯТОР ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Климчак Ольга Вадимовна
Казанский федеральный университет
Казань, РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвокогнитивных кодов, зашифрованных в наименовании «время» в русском, испанском и английском языках. Исследуются особенности культурных кодов и концепций времени в разноструктурных языках, языковые явления рассматриваются в междисциплинарном аспекте.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, семантика.

Abstract. The article analyses cognitive linguistic codes ciphered in the denomination of time in Russian, English and Spanish and investigates peculiarities of cultural codes and time concepts in heterostructural languages. Linguistic phenomena are viewed in accordance with interdisciplinary approach.

Keywords: cognitive linguistics, concept, semantics.

Лингвокогнитивный подход к изучению языковых явлений является одним из наиболее актуальных направлений языковых исследований, позволяющих исследователю вывести узконаправленное изучение языковых фактов на более широкую мультидисциплинарную платформу. По словам У.Б. Ли: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [2, С.254]. Та же мысль прослеживается в концепции Э. Сепира - Б. Уорфа, утверждающих, что «в значительной мере человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе... Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной степени строится на языковых нормах данного общества». [5, С.233] А. Вежбицкая, хотя и не в полной мере, придерживается данного постулата: «Концепт «freedom» не является независимым от конкретного языка (отличаясь, например, от римского концепта *libertas* и русского «свобода»). Он сформирован культурой и историей, будучи частью общего наследия носителей *английского языка*» [1, С.271]. Основываясь на этих высказываниях, можно предположить, что имеет место взаимное влияние мышления и языка: с одной стороны, язык отражает мышление, будучи формой *lingua mentalis*, с другой - мышление базируется на языке, отражающем культуру и историю народа. А. Вежбицкая указывает на неизбежную связь слова и мысли, таким образом представляя лингвистическую констатацию общесемiotического факта, что смысл создается и является человеку через символ (знак, образ). «Мы можем добраться до мысли только через слова, никто еще пока не изобрел другого способа» [1, С.293].

Таким образом, наше представление о времени во многом должно базироваться на культурных кодах, зашифрованных в родном языке.

Время является многомерной структурой. Так, Ю.С. Степанов выделяет 12 моделей времени (среди них циклическое, линейное, пульсирующее, точечное время), на что рецензент словаря В. Руднев указывает, что данным перечнем не исчерпывается глубина понятия времени и приводит дополнительное фундаментальное деление времени на естественнонаучное и внутреннее.

“Пространство и время - всеобщие формы существования материи; пространство - форма сосуществования материальных объектов и процессов /характеризует структурность и протяженность

материальных систем/; время - форма последовательной смены явлений и состояний материи /характеризует длительность их бытия/. Пространство и время имеют объективный характер, неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью. Универсальные свойства времени - длительность, неповторяемость, необратимость; всеобщие свойства пространства - протяженность, единство прерывности и непрерывности”.

Большинство исследователей (Арутюнова Н.Д., Степанов Ю.С.) делят концепт времени на «циклическое время» и «линейное время», признавая это деление универсальным, присутствующим во всех языках. Кроме того, время делится на *хронологическое* (фиксация дат и событий), *релятивное* (время по отношению к определенному моменту) и *эгоцентрическое* (как осознание настоящего, прошлого и будущего). Концепт времени является одним из универсальных концептов, присутствующих в разноструктурных языках и охватывающих большие пласты лексики.

Само русское слово «время» родственно древне-индийскому *vārtma*, ср.р. «колея, рытвина, дорога, желоб». Для обоснования этой этимологии М. Фасмер приводит лат. *annusvertens, mensisvertens, anniversārius* [7, С.361]. Таким образом, по нашему мнению, время интерпретируется на начальном этапе формирования представлений об окружающем мире как материальное овеществленное понятие. Мы уже приводили концепцию Н.Д.Арутюновой о времени-пути. Желоб, по форме схожий с дорогой, дает нам образ времени как текучего вещества, а сам образ дороги/пути придает времени направленность. По всей вероятности, это представление закрепилось в этимологии слова, став его внутренней формой. Схожую картину дает нам этимология лат. *tempus* (англ. *time*, исп. *tiempo*). В этимологии его связывают с "тянуть" (лат. *teneo, tendo*), что дает нам представление о времени как о протяженности (ср. англ. *extension*, исп. *extensión* – протяженность). Корень этого слова прослеживается в таких ЛЕ, как исп. *tiempo, contemporizar, extemporáneo, intempestivo, tempestad, témpora*; англ. *temporal, temporizar, temporary, temporize, contemporary*. Следовательно, ядро концепта «составляют» словотермины «время», “*tempus*” (англ. *time*, исп. *tiempo*) и их внутренняя форма, не осознаваемая говорящим, свидетельствует в имплицитной форме о представлении о времени как о «протяженности».

Кроме того, в романо-германских языках есть еще один корень для отображения явлений времени, заимствованный и славянскими языками – «cron-» - греч. *χρονος* – время: исп. *anacrónico, anacronismo, crónica, cronición, cronometrar, cronómetro, isócrono, paracronismo*,

sincronizar; англ. chronicle, chronic, chronograph, chronology, chronometer, anachronism, рус. хроника, анахронизм, хронический, синхронный. Происхождение этого корня связывают с греческой мифологией, то есть данный корень связан напрямую с представлением древнегреческого народа о времени. «Возникновение концепта как коллективного представления ... есть результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом» [4, С.70]. Первые представления о времени относятся еще к древности, в частности, в античной мифологии, отражающей в виде образного повествования представления о природе, обществе и личности, данный концепт был уже выражен. В древнегреческой мифологии понятие времени ассоциировалось с именем титана Кроноса (Хроноса), отца Зевса, пожиравшего своих детей. Бог, пожирающий своих детей, интерпретировался как неумолимое время, поглощающее то, что породило, или как семя, возвращающееся в породившую его землю. [3, С.479]. Однако, Кронос, низвергнутый Зевсом, в орфической традиции примиряется с ним и правит на острове блаженных, отсюда возникло понятие о царствовании Кроноса как о счастливом и благодатном времени [3, С.295]. (Ср. В.И.Даль: «Время - || счастье, земное благоденствие, благосостояние. *Будешь во времени, и нас помяни. Время красит, а безвременье старит*». Данное значение является в современном языке устаревшим, тем не менее нельзя не отметить достаточно очевидную связь явлений.) Таким образом, в этимологии корня *χρονος* прослеживается представление о времени как о категории счастья, блаженства. В древнеримской мифологии Кроносу соответствовал Сатурн, который являлся одним из древнейших божеств, упоминавшихся еще в 497 г. до н.э. Иными словами, этот образ времени, переданный через мифологию, является одним из древнейших, зафиксированных в письменных источниках.

Исходя из этимологии корней слов, составляющих ядро концепта «время», можно сделать следующий вывод: время в период зарождения представлений об окружающем мире и формирования сознания представляется некой субстанцией, обладающей протяженностью и своего рода статичностью («счастье»), что и закрепилось во внутренней форме концепта.

Время в языке и сознании является относительным. Его релятивность лежит как в сфере идей, так и в сфере языка и определяется прежде всего неоднородностью моделей и средств выражения. Кроме того, от абсолютной категории времени, существующей отдельно от материальной субстанции, относительное время характеризует его т.н. «материальность». Будучи абстрактной категорией, «время» обладает рядом «вещественных характеристик». В

языке это выражается в способе самого слова «время» вступать в различные сочетания. Проследим это на примере ряда таких словосочетаний:

Рус. терять время – *англ.* lose time – *исп.* perder tiempo

Рус. тратить время – *англ.* spend time – *исп.* gastar tiempo

Рус. выиграть время – *англ.* win time – *исп.* ganar tiempo

Таким образом, время имеет все характеристики материального объекта: его можно «тянуть», «дать/dar/give», потерять, убивать/matar и т.д. Кроме того, время рассматривается и как неотделимое от пространства: вне времени, fuera del tiempo (вне времени) sin tiempo (без времени); и как = эпоха: в ногу со временем, unidad de tiempos.

Вещественность времени позволяет нам включить в его концептосферу единицы измерения (год, час, месяц и др.), а также концепт памяти (исп. memoria, англ. memory, родств. мемуары, memorias, mémoires), который требует отдельного исследования, но мы отметим прежде всего его способность охватывать большие временные промежутки и привязанность к определенному ориентиру, который, собственно, и служит основанием для запоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков/ А. Вежицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 315 с.
2. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики/ А. Вежицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
3. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета, пространства/ Е.С. Кубрякова// Логический анализ языка. Языки пространств. – М. 2000. – С.84-92
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка/ Д.С.Лихачев// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. – С.267-279
6. Сепир Э. Положение лингвистики как науки./ Э.Сепир.// История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях /Под. Ред. В.А.Звегинцева. – М.: Просвещение, 1965. – Т.2. - С.231-238.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. / Ю.С.Степанов. – М.: Языки русской культуры, 2004.-922 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1973